

**Образ скальда в русской поэзии начала XX века.  
Опыт корпусного анализа**

*северный текст, северный миф, образ,  
сравнительное литературоведение*

Как и всякое другое подобное ему понятие, Северный текст представляет собой довольно неоднородное поле, состоящее из явлений периферийных и ядерных. Образ скальда, вне всякого сомнения, будет относиться к числу ядерных, представить без него северный текст практически невозможно.

Описание восприятия и функционирования этого образа в русской поэзии начала XX века может оказаться продуктивным для анализа общей рецепции Северного текста. Продуктивным представляется и подойти к анализу этого образа, прежде всего, с точки зрения количественных методов.

Здесь, согласно поэтическому подкорпусу национального корпуса русского языка, эту лексему нельзя назвать частотной. В корпусе она представлена 75 вхождениями в 46 документах (Объем всего поэтического корпуса: 94 930 документов, 13 000 179 слов). Подобная редкость показывает, прежде всего, то, что данная лексема не являлась частью традиционной поэтической топики и поэтому всякое обращение к этой лексеме едва ли стоит считать случайным.

При этом, на графике, отображающем распределение частоты встречаемости по годам, представлены два своеобразных «скачка» употребления этого слова. Первый – период 1804 по 1840 годы, пик приходится на 1820 год. Это период «русского классицизма», в целом достаточно подробно описанный [Левин 1980].

Второй «скачок» приходится на период с 1890 по 1920 год, когда слово, казалось бы ушедшее в прошлое вместе с ранним романтизмом, неожиданно возвращается в поэтический лексикон. Возращение это связано, с повторной актуализацией «Северного текста» и «Северного мифа» в русском поэтическом сознании [Туманова 2017: 9:3].

Прежде чем, рассмотреть то, как трактовали образ скальда поэты, стоит обратиться к словарному определению того времени

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (издан в интересующий нас период) дает следующее определение: «**Скальды** – так назыв. народные поэты древней исландской и норвежской литературы (см.). См. Egilsson, «Lexicon poeticum», и Gröndal, «Clavis poetica» (Копенг., 1864). Gislason, «Etterladte skrifter» (Копенг., 1895); Möbius, «Hattatal» (1881). Сборники стихотворений С. изданы Wisen'ом, «Carmina norroena» (Лунд, 1886—89), и Gislason'ом, «Udvalg af oldnordiske skjaldekvad» (Копенг., 1892). См. также ст. Эдда [Энциклопедический 1900: 59:171]. Статья «Эдда» содержит довольно подробные сведения о скандинавской поэзии, однако образ скальда никак не конкретизируя, характеризуя лишь «младшую Эдду» как учебник для скальдов.

Таким образом, кажется, что представление о скальде было самым общим, он воспринимался просто как северный поэт, своеобразная часть антуража эпохи раннего средневековья, экзотическое обозначения для поэта и певца. Однако именно в таком качестве он оказывается весьма востребованным русской поэзией.

Интересным моментом является и то, что слово употребляется не у второстепенных поэтов, что могло бы быть воспринято как стилизаторство или осознанное обращение к истории в духе А.К. Толстого, сколько у поэтов «первого ряда», причем именно у тех, с кем и связано понятие Серебряный век.

Перечислю только тех авторов и произведения, которые включены в корпус, придерживаясь преимущественно даты создания. Итак, первое стихотворение – «Царю Северного полюса» В. Брюсова, далее три текста К. Бальмонта («Из рода королей», «Исландия», «Северные»), текст Андрея Белого («Утешение»), Н. Гумилев («Варвары»), текст А. Блока («Встречной») два текста А.К. Лозинко-Лозинского («Олаф», «Издали казался он лиловым»), два О.Э. Мандельштама («Я не слышал рассказов Оссиана», «Когда на площади в тиши келейной»), по одному Н. Тихонова, Г. Иванова, Н. Клюева и Н. Асеева; завершает этот период еще один текст Андрея Белого, написанный в 1922 году – «Гора: дорога – в горы».

Среди перечисленных текстов можно выделить несколько групп, где образ скальда фигурирует в схожей функции

1) скальд как часть северного (или дикого, варварского) пейзажа. Собственно, наиболее традиционный элемент, унаследованный от

раннеромантической элегии. Таковы тексты Андрея Белого, «Исландия» Константина Бальмонта, «Издали казался он лиловым» А.К. Ложино-Лозинского и «Русская красота» Г. Иванова.

Здесь, чтобы подчеркнуть древность, уныние или дикость пейзажа он характеризуется как тот «о котором пел скальд».

2) скальд как часть средневекового антуража. Для таких текстов характерен некий псевдоисторический или легендарный сюжет, где упоминания скальда чаще выступает как способ создания определённой атмосферы раннего средневековья. Таков текст В. Брюсова, «Варвары» Н. Гумилева, «Олаф» А. Ложино-Лозинского

3) скальд как поэт вообще. К этому же типу можно отнести случаи «поэт – наследник скальда». Интересно, что при таком употреблении образа наблюдается некоторое подобие эволюции. Первоначально К. Бальмонт употребляет в качестве обозначения поэта другой культуры, в отношении Генрика Ибсена (стихотворение «Северные»), А. Блок («Встречной») и О. Мандельштам говорят о наследовании чужой традиции («встречной» и «Я не слыхал рассказов Оссиана»), и уже далее Н. Асеев («Северное сияние») говорит о себе и своих друзьях как о новых скальдах.

Отдельно стоит отметить стихотворение О. Мандельштама «Когда на площади в тиши келейной», где, кажется, одновременно актуализуются все три описанных значения.

Представляется, что и на более полном материале, включающем в себя не только данные национального корпуса, но и тексты, не вошедшие в него, будут прослеживаться подобные тенденции. Возможно, выделятся некоторые дополнительные группы, которые сейчас не проявляют себя так ярко по причине мало количества текстов.

Таким образом, проанализировав бытование образа «скальд» в русской поэзии рубежа веков можно отметить следующее: наблюдается повторное обращение к этому образу, характерному для раннего романтизма, обращение очевидное и сопоставимых по частоте аналогов не имеющее. Вместе с тем, наряду с наследованием черт этого образа, наблюдается и приращение значений, по сравнению с поэзией девятнадцатого века – так возникает восприятие поэта как скальда, тема наследования и традиции, столь важная для модернистской поэзии.

В качестве факта, дополняющего анализ, стоит отметить и то, что лексема «бард», обозначающая кельтского поэта (еще одна составляющая Северного текста), практически не употребляется. Она

обладает ярким пиком в сходный период (1804-1840 годы), но второго пика или заметного роста не наблюдается. Представляется, что этот образ был вытеснен образом скальда. Даже у Н. Гумилева при всем противопоставлении скандинавской и кельтской культуры, в отношении отца Гондлы употребляется слово «скальд», хотя он ирландец и более логично было бы называть его бардом.

### **Литература**

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе конец XVIII – первая треть XIX века / Ю.Д. Левин. – Ленинград: Наука, 1980. – 212 с.

Туманова О.С. Образ скандинавского севера в русской лирике 1890–1910 гг. / О.С. Туманова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2017. – С. 132–139.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Т. XXX. – СПб., 1900.